

«Словарь языка Агафьи Лыковой»: проблемы и решения

Изучаемая нами языковая личность [ЯЛ] Агафьи Карповны Лыковой является нетипичной, формирование и функционирование языковой личности старообрядки обусловлено экстралингвистическими факторами, связанными с а) принадлежностью к старообрядческой конфессиональной среде; б) проживанием семьи в отшельничестве; в) появлением новых условий для функционирования говора; г) наличием индивидуальных способностей к языку.

Условия, в которых сохранялся и развивался язык членов семьи, отличались особенной «витальностью» – «термин из социолингвистики, используемый для описания сложных условий сохранения или смерти языка» [Штайнке 2003: 156]. Семья Лыковых 1) самоизолировалась по религиозным причинам; 2) находилась определенный исторический временной отрезок (с 1937 по 1978 г.) в изоляции (редкие встречи с охотниками и рыбаками главы семейства и братьев не могли оказать существенного влияния на говор); 3) претерпела вторжение в микросоциум иноверующих ("нестарообрядцев"); 4) подверглась влиянию общенародного языка на говор в результате появления контактов с основными носителями русского языка. Изменились условия функционирования и сохранения говора. На данном этапе просматривается ситуация, обозначенная К. Штайнке как «языковой конфликт»: после смерти всех остальных Лыковых у единственного представителя семьи отшельников не стало условий для поддержания языковых традиций, общение только с основными носителями языка создало новые условия для функционирования говора. С появлением естественной языковой среды, вначале нечастых контактов с людьми, затем более тесного общения, устная и письменная речь языковой личности претерпевает изменения. Сама Агафья Карповна понимает, что её речь отличается от речи гостей, также она осознает, что слова выполняют разные функции, в её понимании это звучит так: *по писанню и по-народному* [по материалам экспедиции 2003 г.]; называя лечебную траву, добавляет, *а по-наусьному /научному/ так...* (влияние речи участников экспедиций на Еринат); рассказывая о географическом районе проживания, уточняет, *мы гаварим Туйдай, а на плану /карте. – Г.Т./ это Катижан* [по материалам экспедиции 2003 г.].

Способности языковой личности в усвоении всего нового (знаний о мире, явлениях, предметах), воспринятые окружающими как исключительные качества одаренного, неординарного человека, стали тем фактором, который оказывает «негативное влияние на дальнейшую витальность» [Штайнке 2003: 157] говора семьи Лыковых.

Частью комплексного поэтапного исследования темы «Материальная и духовная культура старообрядческой семьи Лыковых» стал «Словарь языка Агафьи Лыковой» (Красноярск, 2004).

Тип словаря: полный, конфессиональный, диалектный словарь языковой личности, толково-переводный, источниковедческий, лексико-ономастический.

Полный словарь означает включение всей лексики письменных источников – писем Агафьи Карповны Лыковой [АЛ].

Словарь диалектный, так как представляет лексику старообрядческого говора юга Сибири.

Словарь переводного типа, так как предполагает внутриязыковой перевод.

Словарь источниковедческий включает в себя ограниченное число письменных источников – 99.

Словарь лексико-ономастический, так как включает собственные имена: личные и географические названия – антропонимы и топонимы, встречающиеся в письмах и записях.

Цель «Словаря языка Агафьи Лыковой» – отражение лексики конкретной личности, сформировавшейся в локальных условиях в отсутствии постоянных контактов с основными носителями русского языка.

Основные задачи: 1) представить лексический состав идиолекта языковой личности; 2) лексикографически интерпретировать его через систему словарных помет; 3) обозначить количество употреблений отдельных слов; 4) выявить специфику словарного состава через сопоставление с данными словарей русского языка.

Объектом лексикографического описания является письменная речь Агафьи Карповны, единственного представителя семьи Лыковых в наши дни.

Предмет описания – лексический состав идиолекта Агафьи Лыковой. При этом использованы методы: 1) социолингвистический; 2) собственно-лексикографический; 3) функциональный; 4) сравнительно-сопоставительный.

Социолингвистический метод представлен в следующих моментах: большое значение в составлении словаря имеет история семьи Лыковых, которая рассматривается как история формирования идиолекта Агафьи Лыковой.

Собственно лексикографический метод – представление активного словарного запаса Агафьи Лыковой, отражённого в письменных текстах в алфавитном порядке в виде отдельных словарных статей (2977). В словаре выделена лексика общенародного фонда (без помет), диалектные слова (помета – *диал.*): *ючить*, *отерпнуть*; сакрально-богослужебная лексика (*сакр.-богосл.*): *христианский*, *прищипать*; лексика семьи (микросоциума, помета –

смей.): *завлечь, испортить*; окказиональная лексика Агафьи Карповны (помета – *окказ.*): *ветрадька* – 'холодная изба'. Структура словарной статьи представляет четыре зоны и в целом соответствует русской лексикографической практике.

Ономастикон словаря (помет. *собст.*) даёт представление о сфере общения Агафьи Карповны, ориентирует читателя в пространстве.

Новые понятия, вошедшие в жизнь Агафьи Карповны с 80-х годов, нашли отражение в словаре с пометой *нов.*: *поезд, верталет, инструкция*.

Функциональный метод представлен в словаре в выделении в начале словарной статьи вслед за заглавным словом всех использованных языковой личностью словоформ.

Сравнительно-сопоставительный метод представлен данными 27 словарей в сопоставительной зоне, где использованы восемь блоков (толковые, диалектные, исторические, богословские, устойчивых выражений).

В работе над словарем возникли следующие проблемы:

- работа над полууставным письмом (расшифровка полууставного письма с палеографическими особенностями; технические сложности при компьютерном наборе текстов писем (начертания букв, воспроизведения надстрочных знаков – знаков ударения, придыхания и сокращения слов; знаков препинания; "славянских цифр");

- лексикографическая обработка идиолексикона нетипичной языковой личности, отсутствие материала для конкретного сопоставления, определение лексико-семантического значения лексем.

I. Трудности в работе над полууставным письмом решались сложно, работа продолжается, на данный момент выстроилась следующая картина:

В наличии использование 37 букв кириллицы (8 букв, присущих азбуке церковнославянского языка, и 29 букв, функционирующих в современном русском языке). Начертание букв в основном совпадает с принятым письмом современного русского языка. Но в текстах писем имеются знаки, не свойственные русскому языку на данном этапе развития. К ним относятся кириллические буквы: "простые" – *ѐ, ї, ѡ, ѣ, ѣ, ѡ*; "лигатуры" (слитные) – *ѣ, ѡ*; "составные" – *ѣ*; "йотованные" – *ѣ* (типы букв по [Турбин 2002: 20]). Кроме этого, буквы *ѣ, ѣ* использованы в функции чисел, их также нет в современном русском алфавите [письмо № 40,7].

В поздних письмах имеется пример употребления буквы *а* вместо привычной для Агафьи *а*: *санной вместе прнежайте нажитые комне* [письмо № 15,2]. Этот и еще несколько примеров свидетельствуют о некоторой модернизации графики букв Агафьи Карповны под воздействием письменных контактов с носителями современного русского языка.

В письменных источниках:

- не встречается буква э, но зафиксированы примеры употребления в словах буквы є вместо э, последовательно букву є Агафья Карповна пишет в местоимении ЭТОТ: лєвѣ ст ч /Степанович Черепанов/ зєто дело взлєса излєвить єтой бєды [письмо № 12,1];

- не зафиксирован пример использования буквы ё. Йотованная буква ё появилась в конце XVIII века;

- присутствует буква ї в церковнославянском начертании, употребляет букву ї Агафья Карповна редко на стыке гласных: снискимѣ поклономѣ агафіѣ к анисимѣ н /Никоновичу/ сестре анисии п /Парамоновне/ нвсемѣ вооцє сродьникомѣ нашимѣ нвашимѣ нвсей охрѣте /о Христе/ братїи [письмо № 39,1]; гдї їє хрѣте /Господи Исусе Христе/ сыне вожїи помилуй насѣ [письмо № 24,1];

- наблюдаются редкие примеры употребления в текстах писем на стыке гласных и в начале слова буквы ѡ (от) вместо о: соуѡщаню ѡсебе оуѡеѡй жизни живѣ пока новвеликой тепєрь заботе телєсно нойпачє дѣшевна мнє пристигла нєдѣтешима скорѣ [письмо № 16,1-2];

- заднеязычный звук [y] пишется тремя графическими знаками: ѣ, ѣ и ѡѣ. Последовательно заднеязычный звук [y] Агафья графически пишет двумя знаками в зависимости от места положения в слове: а) в начале слов перед согласными – простую букву ѣ: потомѣ второе т н в /Тропин Иван Васильевич/ говоритѣ посадка посажана тепєрь надо перво ѣрожай сєдате тогда к весне выєжать, нѡл апєть нидала ємѣ никѡва согласнѣ что кѣда єхате ночєвали насветѣ ѣплыли второмѣ концє [письмо № 40,2-3]; б) в положении после согласных – лигатуру ѣ: лѣтѣе всего сємѣ лишнє говоритѣ вместо єтова молитѣѣ воѣстєх держате нвсєгда смертїны часѣ имєєт вѡтѣ намѣ что сѣѡє /святѡє/ писанїє говоритѣ [письмо № 10,5-6]. Имеются единичные случаи использования составной буквы ѡѣ: монимѣ дрѡѣзьямѣ водинцовѡ велика благадарнасѣ вамѣ л /люди/ задѡвроє дело [письмо № 29,1];

- буква ѣ (ять) встречается достаточно часто: оуѣре какѣ мы стѡвой говорили єсли єсть твое желанїє такѣ нвѣдєтѣ чтоѡбы было єдиногласно воєдинѣ вѣрѣ [письмо № 2,1];

- последовательно употребляются "йотованные" буквы ѡ и ю: нѡнчє зимѡй ѡдтинька прєстѡвилѣ ї /з/ ѡєврѡлѣ тепєрь живѣ адна очєнь трѣдно нприскѡрбно все дѡврыє люди замєнѣ бєспѡкѡдѣтсѣ что дѡбрѡва надѡ чєловєка єдиногласнѡва нтѣдтинька послєднєє врємѣ сказѡвѣ єслибы дѡбрѡй чєловєкѣ нашѡвєѣ нѡжитѣє [письмо № 14,2];

- последовательно употребляются редуцированные ѣ и ѣ, редуцированный ѣ:

1) в слабой позиции на конце слов с закрытым слогом: гдѣи ѿсе хрѣте /Господи Исусе Христе/ сыне вѣжии /Божии/ помилуй насъ аминь, четвертаго генваря niskий болшой поклонъ всемъ вообще, отпѣстынницы агафѣи карповны лыковой, жителемъ внижегородскѣ области всеменовский район игородъ, наречкѣ керженкѣ [письмо № 6,1] (данное явление для автора писем закономерно, исключением являются примеры без ѣ в названной позиции по причине отсутствия места на бумаге в конце строки: ноеще левъ с ч /Степанович Черепанов/ niskий болшой поклон богъ спасетъ тебе за праздничнѣю минею [письмо № 66,3];

2) в слабой позиции на стыке согласных в конце слога: некогда мне время нетъ вообще свободнова даже иголзкѣ вѣрки взать нетъ время что шить или починить если только ночью [письмо № 61,1]; надо дрѣгѣю козѣ сетой толзкѣ нетъ только для нозѣи держать ее [письмо № 60,3];

- буква ѣ употребляется для обозначения мягкости согласных: атеперь незнаю какъ господѣ велитъ дожить до пасхи доживѣ или нетъ, толко такъ теперь ввожихѣ пределахъ господѣ помощникѣ [письмо № 90,1]. Примеры употребления ѣ в качестве гласного в слабой позиции в письмах Агафѣи также наблюдаются: онъ еще бывѣ здоровай ато низамогла ниповодѣ итѣти /так в источнике/ никѣда [письмо № 35,5-6]; niskий болшой поклонъ ѡагафѣи карповны сергею анатольевичю грызловѣ и всемъ вашимъ воспитанѣникомъ [письмо № 78,1]; писала агафѣя ввторѣникѣ восмнатцатаго апреля ѡадама /от адама/ лета семь тысячѣ, четыре ста девеноста восмон годѣ [письмо № 74,2].

Кириллическими буквами в письмах последовательно обозначены числительные, как было принято в церковнославянском языке (до сих пор у Лыковых сохранилось византийское летоисчисление – от сотворения мира): писала агафѣя сентевря къ /24/ день отадама лета #зѣг /7503, в современном летоисчислении от Рождества Христова – 1995/ врожество четвертой поидетъ [письмо № 56, 1]; тогда адна пошла ѣи /16/ ноябрь всевере натой избе ночевала ѣтромъ зѣ /17/ дошла наканрѣ ночь тамъ ѣнихъ аднѣ ночевала ѣалексанры наѣмовны [письмо № 41, 4-5].

В письмах А. К. Лыковой славянские цифры обозначены буквами, стоящими под титлами:

писала агафѣя мѣсяца июня двадесать вторый день ѡадама /от Адама/ лѣта #зѣѣд /1986/ годѣ [письмо № 50, 2]; юнымъ натѣралистамъ дерево знакъ жизни садите деревѣя жизнь вѣдетъ хорошей писала агафѣя наеринате перваго октябрья ѡадама лета #зѣѣи /1990/, врожество настѣпитъ #зѣѣд /1991/ [письмо № 27,1].

Автором письменных источников осознается тот факт, что отправители писем пользуются отличным от неё летоисчислением,

выражается это словом постаромѹ: и ѿ незнава кто летавъ аказавася осенью только, астафевъ, и все дѹмава что никчемной бывъ етотъ вертолетъ, постаромѹ петнацатѹ /так в источнике в конце строки/ иня [письмо № 116,5]; впервые после такой болезни онъ меня увидив постаромѹ дватцать седмова августѹ ѹвезли меня наключъ, скляча николой привезъ домой шеснатцетов /так в источнике/ сентябрѹ [письмо № 116,18].

В письмах встречаются единичные примеры употребления арабских цифр: когда николой николаетъ приехавъ замной 16 сентябрѹ итамъ твои писма василий миханловичъ николан передав нагорачемъ ключе [письмо № 116,19]; вотъ пока кончаю писать если бѹдетъ возможность вгости милости просим когда избѹ бѹдѹтъ достраивать тогдабы прошше приехать вамъ анаверно письмо полѹчить ниѹспеете ерофей такъ сказавъ 10 август или поранше авотъ тольк если отправлю поновомѹ какъ есть 30 или 31 иня пока досвиданнѹ. всего вамъ добраго [письмо № 66,6]. При этом наблюдается интересная особенность их графического воспроизведения, например, цифра 3 больше напоминает кириллическую букву з.

В нумерации страниц адресант использует и славянские цифры: ѿ [письмо № 10,1], и порядковые числительные прописью: первой, второй, третий, четвертый, пятай, шестой, седмой, восьмой, девятый, десятый, аднатцатой, двенатцатой, тринатцатой [письмо № 116]; числительные прописью подписаны красным стержнем в левой нижней части страницы, хотя текст письма написан черным стержнем.

Из знаков препинания употребляется запятая, в поздних письмах под влиянием текстов основных носителей русского языка появляется точка: атѹтъ все кашлемъ болят ѿ какъ, прихвотива кашла десеть дней нинавыносъ кашлева все лекарства припила далее незнаю какъ бѹдетъ болен, болна никомѹ здѣсь ѿ ниинѹжна. мне здѣсь жить ниомѹ никлимонтъ /климат/, воздѹхамъ свежимъ ниподышышъ ивода видно мне здѣшня нипоздорови /фрагмент о проживании у родственников на Алтае/ [письмо № 69,3].

Из надстрочных знаков в письменных текстах встречаются знаки ударения, придыхания, сокращения.

Агафья Карповна ставит над гласной буквой в начале слова знак придыхания: ѿгафѹа, ѿтгоспода, ѿднон, титлы использованы и "простые" (˘), и "буквенные": ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ /Господи Иисусе Христе Сыне Божии помилуй/ аминь [письмо № 12,1]; простите меня христа ради ивасъ богъ проститъ благословите ивасъ бѣъ /Бог/ блгословит /так в источнике/ [письмо № 41,8]; простите меня хрѹта /Христа/ ради неблгословите /и благословите/ помолитесь заменя грѣшнѹ ивасъ бѣъ /Бог/ проститъ неблагословитъ помолитца влѹца прѹта вѹца /Владычица Пресвятая

Богородица/ завесь родъ христинскій ждѣ ответъ [письмо № 45,2]. При этом наблюдается вариативность, как, например в написании слова черноризица в письмах в старообрядческий скит матушке Максимиле: писмо натѣвѣ чѣи /черноризице/ максимиле ѿхристе ивсемъ живѣщимъ свами кланяюсь всемъ понискомѣ поклонѣ [письмо № 14,1]; гѣи хѣтѣ бѣи нѣа /Господи Иисусе Христе Сыне Божии помилуй аминь/ писмо натѣвѣ ѿагафѣи чѣи м /черноризице матушке/ максимиле анне п /?/ ивсемъ вообще кланяюсь понискомѣ трехъ кратномѣ поклонѣ [письмо № 15,1]; ноѣще чѣи /черноризица/ максимила посылаю тебе ниский трехъ кратный поклонѣ неоставте меня христа ради комне прехать прошѣ васѣ полѣчить ѿвасѣ иноческый чинѣ [письмо № 16,2]; гѣи гѣе /Господи Иисусе/ христе снѣ вѣи /Сыне Божии/ помилѣи насѣ аминь писмо натѣвѣ ѿагафѣи к /Карповны/ чѣи /черноризице/ максимиле ѿхристе сестре ивсемъ вообще живѣщимъ свами кланяюсь вамъ ѿлица идосырой земли [письмо 16,1].

Первые письма АЛ изобилуют надстрочными знаками. В последних, например, в письмах за 90-е годы, их минимальное количество. В письме одинцовским (от г. Одинцово Московской обл.) друзьям от 11 октября 1990 г. на 20 словоформ два надстрочных знака – простых титла над буквами, означающими славянские цифры: моимъ дробѣльмъ водинцово велика благодарнась вамъ л /люди/ задоброе дело хорошо ѹчитесь слѣшайтесь родителей ѹважайте старшихъ агафѣа ѣи /11/ октябрьа отадама лета 38ѣи /1990/ [письмо № 29,1]. В последних пяти письмах, написанных Агафьей Карповной 4 августа 2003 года, не имеется ни одного надстрочного знака, притом, что традиционное начало писем – с молитвы, сохранилось: господи ивсѣе христе сыне вѣи помилѣи насѣ аминь... [письма №№ 23; 30; 78; 79; 90].

Итак, палеографические особенности письменных источников Агафьи Карповны Лыковой отражают особенности русского полуустава: графику письма, систему надстрочных знаков, знаки препинания, использование буквенной символики и славянских цифр (при анализе письменных текстов опирались на [Карский 1928; Тихомиров, Муравьев 1982]), что говорит о сохранении полуустава – «типа письма кириллицы» в старообрядческой семье отшельников на рубеже XX-XXI вв.

II. В «Словарь языка Агафьи Лыковой» вошли общенародные, диалектные, сакрально-богослужебные, семейные, окказиональные слова, топонимы, антропонимы, фразеологизмы из писем старообрядки.

С классификацией по частям речи и частотности проблем не возникало, они отражены в зоне представления и иллюстративной зоне. Проблемы в лексикографической обработке идиолексикона нетипичной языковой личности заключались в определении лексического значения словарных единиц, прежде всего, сакрально-богослужебных; сложности

обусловлены языковым сознанием представителя конфессиональной среды. С нашей точки зрения, наиболее важным в характеристике идиолекта АЛ является сакрально-богослужебная лексика (общая для всех православных и старообрядческая конфессиональная).

Конфессиональная лексика языковой личности особо значима, она занимает центральное место в ментальности старообрядки, систематизирует все окружающее как сакральное пространство; у АЛ нет деления уклада жизни на конфессиональный и светский, вся жизнь сакрально окрашена. Общая направленность сакрализации – выделение старообрядцев, утверждение их особого положения в мире. Сокращение сакрального пространства проявляется и в коннотации части конфессиональной лексики как положительной (**истинный, христианский, чистый, древлеправославный** и др.), так и отрицательной (**лжепослѣство, мирской, отступник, камѣнист, ничистый, никонанин и никоньанин, обмиршить**), свидетельствующей о бинарности мышления, особенности веками складывавшейся ментальности, делящей людей на "своих" и "чужих".

Тенденция к расширению сакрального пространства обозначается при сакрализации нерелигиозной (**грамотный – грамотность, книга – книжность** и т.д.) и собственно бытовой лексики (**измирщить погѣдѣ, боговьленская вода, смѣртна одежда** и др.).

Часть слов, выступающих в говорах как абсолютные синонимы, не различающиеся в ситуациях общения, дифференцируются в идиолекте, также сакрализуя пространство. Так, например, слово *спички* обозначает 'спички, купленные в магазине, используемые в быту', *серянки* – 'изготовленные кустарным способом из живицы хвойных деревьев спички, используемые в сакральной сфере' ('живой огонь'), и др.

Сакрализация, расширение сакрального пространства связаны и с употреблением ряда слов, как в религиозном, так и в бытовом дискурсах (**чистый, исправить, верить** и т.д.).

Конфессиональная лексика идиолекта социально дифференцирована, она употребляется в зависимости от характеристики адресата: старообрядец – нестарообрядец, доверенный человек – человек малознакомый, неблизкий.

В первых письменных текстах (нач. 1980-х гг.) явная дифференциация в написании писем разным адресатам не наблюдается. Более поздние тексты писем "старообрядцам" и "нестарообрядцам" отличаются структурой, содержанием, построением фраз и предложений, использованием цитат из текстов Священного писания, графикой письма. В письмах "старообрядцам" (26 писем) присутствуют церковнославянизмы и специфические особенности графики церковнославянской азбуки (надстрочные знаки, выносные буквы, церковнославянское цифровое исчисление), употребляется конфессиональная лексика. Например, в

письме старообрядке матушке Максими́ле Агафья́ Карповна́ пишет: гдѣи ѿте /Господи Иисусе/ христе сыне вѣѣи /Божии/ помилуй насъ аминъ письмо пишѣ натѣвѣ грѣшна ѿ агафѣѣ недостойнаѣ званнѣ посылаю понискомѣ поклонѣ ѿ христе /о Христе/ сестре ѿр /черноризице/ максимиле и всемѣ живѣщимѣ свами кланяюсь вамѣ ѿ лица и досырой земли сослезамнѣ, прошѣ вашего прощениѣ и благословениѣ истѣхъ /святых/ вашнхъ молитвѣ, такожде и вамѣ желанѣ ѿгда вѣга /от Господа Бога/ добраго здоровнѣ и дѣшевнаго спасениѣ в жизни всакаго благополѣчѣа [письмо № 20,1].

Письма, написанные "нестарообрядцам" (73 письма) в разные периоды, также отличаются. Агафья Карповна перенимает у основных носителей русского языка особенности письма, в более поздних письмах структура письма меняется, появляются черты, присущие современному эпистолярному жанру во всех компонентах: во вступлении, основной части, заключении: сообщая о себе заваше доброе пожелание слава богу живѣ благополѣчно здоровемѣ неочень, богу спасетѣ васѣ заощени /за посещение/ и помощь дрова подобраны вполенице все белѣ коза принесла козленка бывшаѣ галина исподмосквы слава богу прнехава комне нажительство имѣ ей дала свѣсана горохѣ посеиной картошка еще несажана ниский бошой поклонѣ отнаѣ вгости милости просимѣ кнамѣ писала вовторникѣ воемнцатаго /так в источнике/ апрелѣ до свиданиѣ [письмо № 33,1]. В письмах "нестарообрядцам" за последние годы автором не всегда употребляется во вступительной части формула-молитва гдѣи ѿте хте снѣ вѣѣи помилуй насъ аминъ, по-другому строится заключительная часть письма: дай богу вамѣ добраго здоровнѣ и долгихъ летѣ река еринатѣ агафѣѣ карповна лыкова дѣсѣтова октебрь всего вамѣ добраго до свиданиѣ аманѣ гѣмировичѣ дай богу добраго здоровнѣ храни васѣ богу [письмо № 49,1].

Сакральная лексика АЛ имеет глубокие исторические корни, чему способствуют традиционализм, консерватизм и общая ретроспективная направленность старообрядческой культуры. Значительная часть профессиональных слов соотносится с лексикой древнерусского языка. В идиолекте АЛ отмечается синкретизм значений сакральной лексики, характерный для языка средневекового (древнерусского) периода. Семантика слова определяется на уровне сложного синтаксического целого, трудно делимого на предложения.

При выявлении семантики профессиональных слов наблюдается следующая особенность: лексико-семантический вариант слова определяется контекстом, «между указанными в словаре значениями данного слова существует неисчислимо множество всяких семантических оттенков, зависящих от контекста слова...» [Лосев 1983: 101-106], цит. по [Васильев 1994: 18]. Исследователями отмечалось такое явление, как

синкретизм ('слитность, нерасчлененность' [Локшина ... 1988: 466]) семантики слова в древнерусском языке. В частности, А.Д. Васильев пишет: «...в средние века семантика и образность каждого слова не существовали независимо друг от друга, всегда определяясь ближайшим контекстом, для полноценного воссоздания истории слова необходимо принимать во внимание "созначения", рассыпанные в контекстах, актуализируемые архаическим синкретизмом семантики. Под семантическим синкретизмом понимают специфическую черту древнерусского слова, связанную с особенностями средневекового мышления и их отражения в языке; только при распаде синкретизма значений у слова развивается полисемия, которую считают принадлежностью уже иной эпохи; это, как и последующее иерархическое распределение значений, происходит, конечно, на протяжении длительного времени» [Васильев 1994: 37-38]. В письменных текстах старообрядки мы встречаемся с семантическим синкретизмом, даже ближайший контекст лексемы не всегда позволяет сформулировать значение. Письма отшельницы отличаются от писем других старообрядцев наличием громоздких тяжеловесных предложений, наблюдается нанизывание суждений-предложений в сложные конструкции, из которых трудно вычленив контекст рассматриваемого слова, лексико-семантический вариант при этом определяется всей конструкцией. Все сказанное свидетельствует о том, что пласт конфессиональных слов языковой личности имеет древнюю основу.

В идиолекте есть диалектическое противоречие между стабильным написанием отдельных слов, что имеет принципиальное для старообрядцев значение (**исѣс, христиѡнин, христиѡнка, христиѡнский** и др.), и нестабильностью графического образа слова, проявляющееся в наличии вариантов написания (**никонѡнин и никонѡнин, минѡ и менѡ, крещенне и крещенне, моленне и моленне, постный и постный, праздник и праздник, праздничный и праздничный, праздничнѡй и праздничнѡй**).

Письменной речи АЛ присуще использование книжных слов, но часть из них имеет народно-разговорный и диалектный характер, например, варианты в её речи: **никонѡнин и никонѡнин, минѡ и менѡ, крещенне и крещенне, моленне и моленне, постный и постный, праздник и праздник, праздничнѡй и праздничнѡй, праздничнѡй и праздничнѡй**; имеются варианты по отношению к словам, закрепленным в лексикографических источниках (**прищѣщать, прищѣстить, педесѡтница** и др.). Наличие такой лексики в конфессиональной группе слов свидетельствует о народности старообрядчества, о вживании религиозных представлений в народную (крестьянскую) культуру.

В языке АЛ конфессиональная лексика не претерпела трансформации (кроме появления слова **камѡнист**) в силу изменений

условий – появления контактов с основными носителями русского языка; это обеспечивается устойчивостью конфессиональной нормы.

В лексике старообрядки наблюдаются:

- наличие слов, которые не сохранились в современном русском языке, но известны в истории языка: **лжепослушество, предстатие, симерница**;

- сохранение словоформ, присущих предыдущим этапам русского языка, вышедших из употребления у основных носителей русского языка: **свѣтаго дѣха, свѣтлыя молитвы, православыя, добраго здоровья, дѣшевнаго спасення** и др.;

- наличие лексем, не сохранивших в современном русском языке свою графическую (и произносительную) форму: **рожество, дьявольскій, христіанскій, христіанин, христіанка** (в устной речи: *издыхание* ‘сознание’, *вздухи* ‘легкие’);

- наличие лексем, утративших исконные значения: **предстатие** – ‘прекращение’, у АЛ: **предстатие дѣши с телом** – ‘расставание души с телом’; **прелесть** – др.-русс. **прѣльсть, прелесть** – ‘обман; заблуждение; обольщение, соблазн’, ст.-слав. **прѣльсть** – ‘коварство, обман; заблуждение’, у АЛ: **прелести сатанинскіе** – ‘соблазны, уловки, ухищрения дьявола’; **прилог** – ‘намерение, умысел, козни, искушение’, у АЛ: **прилог дьявольскій** – ‘уловки, ухищрения дьявола’ и т.д.

В сравнительно-сопоставительном анализе использованы 37 словарей (толковые, диалектные общие, диалектные местные (Приенисейской Сибири), топонимические, богословские, устаревших слов, устойчивых сочетаний и идиом, исторические).

Сложности в определении лексического значения словарных единиц связаны со следующими причинами:

1. Конфессиональная лексика идиостиля АЛ не находит аналогичного отражения в толковых словарях современного русского языка, отличается и от исторических словарей.

2. Сложность проявляется и в том, что в современном русском литературном языке религиозный дискурс представлен, в основном, лексикой сферы официального православия. Выделение слов производится в значениях пометами *церк.* – ‘церковное’ и *религ.* – ‘религиозное’.

Старообрядческий дискурс представлен в современном русском литературном языке небольшим набором слов, ограниченность употребления которых дается в значении (**старовер, старообрядец, двуперстие, лестовка** и др.).

В толковых словарях, в связи с изменением языковой действительности и с общей установкой составителей, значительная часть сакральной лексики приводится с пометой *устар.*, т.е. квалифицируется

как устаревшая. Общий состав слов религиозной сферы в толковых словарях литературного языка советского периода резко сократился.

3. В исторических словарях развернуто представление лексики религиозной сферы, что, с одной стороны, соответствует ментальности русского человека отмеченного в словаре периода, с другой – объясняется значительным количеством религиозных письменных памятников.

4. В современных диалектных словарях сакральная лексика не отражена.

5. При сопоставлении общей для всех православных религиозной лексики опирались на богословские словари.

6. Определяющим в нашем анализе являются данные энциклопедического словаря «Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы» и «Старообрядчество в России: Энциклопедический иллюстрированный словарь» [Вургафт, Ушаков 1996; Старообрядчество... 2005], совпадающие в основном лексическом составе и толковании слов с идиолектом Агафьи Карповны Лыковой.

Преодолению сложных моментов в определении лексико-семантического значения слов способствовало знание экстралингвистических факторов: изучение истории старообрядчества, специфики этноконфессиональной среды Приенисейской Сибири, истории семьи Лыковых. Серьезное внимание уделялось расшифровке всех событий и фактов, происходивших в жизни изучаемой языковой личности.

Подготовлено 2-е доп. и исправл. издание "Словаря языка старообрядки А.К. Лыковой", содержит 3829 словарных статей, представленных в 131 письменном источнике (на данный момент). Исследование идиолексикона старообрядческой языковой личности продолжается.

Литература:

- Васильев А.Д. Историко-культурный аспект динамики слова. Красноярск, 1994.
Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1928.
Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. 10-е изд., стер. М., 1988.
Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983.
Старообрядчество в России: Энциклопедический иллюстрированный словарь. М., 2005.
Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография: Учебное пособие. М., 1982.
Турбин Г.А. Старославянский язык: Учебное пособие. М., 2002.
Штайнке К. Говор и религия в диаспоре // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И. Аванесова. М., 2003.

Список письменных источников:

1. Митрополиту Московскому и всея Руси Русской Православной Старообрядческой Церкви Алимпию. 9 апреля 1990 г., 2 с.
- 2-4. Дунаевой Галине Ивановне. Без дат: 2 с.; 2 с.; 4 с.
- 5-6. На Керженку старообрядцам. 4 января, год не обозначен, 2 с.; без даты, 3 с.

7. Коновалову Александру Геннадьевичу. Без даты, 2 с.
8. Редакции газеты «Красноярский рабочий». 20 июля 2002 г., 2с.
9. Лебедеву Александру Семёновичу. 1 октября 1990 г., 3 с.
- 10-12. Ленковым Николаю Алексеевичу и Матрёне Савельевне. 24 февраля {1989 г.}. 3 с.; 14 августа {1989 г.}, 1 с.; без даты, 7 с.
13. Литературному музею. 20 июля 2002 г., 1с.
- 14-20. Матушке Максимиле в старообрядческий скит. 4 июля 1988 г., 3 с.; без дат: 2 письма по 3 с.; 4 письма по 2 с.
21. Макуте Владимиру Николаевичу. 10 октября, год не обозначен, 2 с.
- 22-23. Мотаковой Эльвире Викторовне. 24 сентября 1987 г., 2с.
- 24-26. Назарову Игорю Павловичу. Без даты, 2 с.
27. Натуралистам юным. Без даты, 1 с.
28. Одинцовским друзьям. Без даты, 1 с.
29. Ольге Анатольевне. 1 октября 1990 г., 2 с.
30. Павловскому Владимиру Евгеньевичу. 5 июля 2003 г., 2 с.
- 31-32. Пролецкому Николаю Петровичу. Без даты, 2 с.
33. Романцову Борису Васильевичу. 1987 г., 1с.
- 34-36. Савушкину Николаю Николаевичу. 11 сентября 1994 г., 1 с.; без дат, 8 с., 3с.
37. Старковой Тамаре. 1 октября 1990 г., 1 с.
38. Сурикову Олегу Николаевичу. 24 августа 1987 г., 1 с.
- 39-48. Тропиным Анисиму Никоновичу и Анисье Парамоновне. Без дат: 4 с.; 13 с.; 8с.; 2 с.; 1 с.; 6 с.; 2 с.; 4 с.; 3 с.; июнь 1994 г., 3 с.
49. Тулееву Аману Гумировичу. 1 октября, год не обозначен, 1 с.
- 50-73. Черепанову Льву Степановичу. 22 июня 1986 г., 2 с.; 16 ноября 1986 г., 2 с.; 31 августа 1990 г., 2 с.; 1 февраля 1994 г., 4 с.; 1 февраля 1994 г., 4 с.; 4 октября 1994 г., 2 с.; 24 сентября 1995 г., 1 с. Без дат: 2 с.; 2 с.; 2 с.; 6 с.; 4 с.; 4 с.; 1с.; 2 с.; 2 с.; 6 с.; 2 с.; 2 с.; 4 с.; 2 с.; 4 с.; 2 с.; 2 с.
74. Цопанопулосу Эвангелосу. 18 апреля 1990 г., 2 с.
75. Штыгашеву Владимиру Николаевичу. 19 августа 1993 г., 1 с.
76. Шулбаеву Георгию Прокопьевичу. 24 августа 1992 г., 1 с.
77. Андрияшкину Виленину Васильевичу. 20 июня 1990 г., 1с.
78. Грызлову Сергею Анатольевичу. 5 июля 2003 г., 2 с.
79. Красноярскому литературному музею. 5 июля 2003 г., 2 с.
- 80-81. Текст на спиле дерева и на куске холста, сотканном А.К. Лыковой. Июль 1988 г., Минусинский краеведческий музей, в/ф 2637/58, о/ф 9667/13.
82. Назаровой Светлане Игоревне. 24 августа 1987 г., 1 с.
- 83-91. Назарову Игорю Павловичу. 20 июля 1988 г., 1 с.; 20 июля 1988 г., 1 с. (фрагмент молитвы); 25 февраля 1989 г., 1 с.; 2 апреля 1989 г., 3 с.; 14 декабря 1992 г., 2 с.; декабрь 1993 г., 4 с.; весна 1994 г., 4 с.; записка без даты, 2 с.; 11 сентября, год не обозначен, 1 с.
92. Командировочное удостоверение Назарова И.П. на Еринат. 6-12 декабря 1985 г., 1 л.
93. Командировочное удостоверение Назарова И.П. на Еринат. 11-24 сентября 1994 г., 1 л.
94. Справка Красноярского краевого краеведческого музея, выданная ведущему специалисту музея Толстовой Г.А. – научному руководителю этнолингвистической экспедиции на Еринат. 27 июня 2003 г., 1 с.
95. Командировочное удостоверение Черепанова Л.С. на Еринат. 21-26 августа 1987 г.
96. Командировочное удостоверение Черепанова Л.С. на Еринат. 17 октября 1992 г., 1 с.
- 97-99. Тулееву Аману Гумировичу. 23 мая 2002 г., 1 с.; без даты, 4 с.; без даты, 2 с.

Образец письма А.К. Лыковой:

ГДНІ СЕХРІ ТЕ СНЕ БЖІИ ПОМИЛИ НАС
АМИНЬ НИСКИ И ВОЛШОЙ ПОКЛОНЪ Ш
РПА О ИШАГАФІИ КЛВЪ СТЕЛАН
О НОВИЧЮ ЧЕРЕПАНОВО ИЖЕ ЛАЕМЪ
Ш ГОСПОДА ВГО ДОБРАГО ЗДОРОВЬ
В ЖИЗНИ БЛАГОПОЛЪЧІА СОШЩАЕ
Ш СЕБЕ ПОМАЛЕНКО ЖИВЕМЪ КАРТ
ШКО ВЫКОПАЛИ ВСЮ И КРТОШКИ
НАКОПАЛИ СТО ВОСЕМЬДЕСАТЬ ВЕД
РЕПЫ ВОСЕМНАЦТЬ КОЗЫ ПОКА ЖЬ
Ы БЛАГОПОЛЪЧНО КОРМУ КОЗЛІМЪ
НЕЗНАМЪ ТОЛИ ХВАТИТЬ НАЗИМЪ
ИЛИ НЕТЪ ДОСВЕЖАЙ ТРАВЫ ДОБ
ЛАТЬ ВЪ БДЕМЪ ВЕТОКЪ ЕЛОВЫХЪ
БЫЛЪ НИКОЛАИ ПЕТРОВИЧЬ ШНАСЪ В
СТАХЪ ДРОВЪ ПОМОКЪ ПОПИЛИТЬ Р
УМЕНА БОЛЕВА РЪКО ЛЕЧИВЪ ПОР
ФИНОВЫМИ СВЕЧАМИ ПРАВА РА